УДК 81'27(049.32)
ББК Ш100.3 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*

Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова
Екатеринбург, Россия

ВОПРОСЫ НОМИНАТИВНОЙ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. *Рецензия на монографию Петра Червинского «Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации» (Тернополь : Крок, 2010. — 344 с.).*

Ключевые слова: *язык политики; десоветизация; русский и советский речевой узус; социальная оценочность в публицистике.*

Сведения об авторе: *Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 281.*
e-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Сведения об авторе: *Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.*

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 282.*
e-mail: sakralist@mail.ru.

T. A. Gridina, N. I. Konovalova
Ekaterinburg, Russia

PROBLEMS OF THEORY OF NOMINATION IN POLITICAL COMMUNICATION

Abstract. *The article presents a review of the book by Pyotr Chervinsky "Nominative aspects and consequences of political communication" (Ternopol:Krok, 2010. — 344 p.)*

Key words: *language of politics; de-sovietization; Russian and Soviet speech usage; social evaluation in political journalism.*

About the author: *Gridina Tatiana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of General Linguistics and the Russian Language.*

Place of employment:

About the author: *Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.*

Place of employment: Ural State Pedagogical University(Ekaterinburg).

Рубеж XX—XXI вв. ознаменовался коренными изменениями общественно-политической ситуации, что привело к активизации социолингвистических исследований, связанных с коммуникативно-прагматическим анализом активных процессов в языке. В этом смысле одним из наиболее заметных явлений стало изучение русского (российского) политического дискурса. В рамках этого направления написана, в частности, книга П. П. Червинского «Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации».

Язык политики рассматривается автором в трех аспектах:

1) в номинативном, который предполагает выявление роли номинативного акта в условиях политического взаимодействия. Язык политики рассматривается при этом как специфическая сфера функционирования речевых знаков устойчивого характера с закрепленной оценочностью. В фокусе внимания при таком подходе закономерно оказывается личность номинатора — «изучение позиции того, кто дает соответствующее название, запускает подобное <оценочное> выражение в ход» (с. 25);

2) в аспекте категоризации, позволяющем моделировать характерные для того или иного типа политического языка «семантизированные категории порождения и восприятия вербального выражения» (с. 98), иными словами, во главу угла ставится выделение в национальном языке корпуса слов и выражений с политической (идеологической) коннотацией, в частности с коннотацией «советскости», что является предметом анализа в данной книге;

3) в эволюционном аспекте, предполагающем выявление «динамики политизированных парадигмосистем» (с. 7), что дает возможность проследить смену одного идеологического дискурса другим.

В соответствии с намеченными аспектами выстраивается композиция книги П. Червинского.

В первой части рассматриваются апеллятивы языка политики как свернутые оценочные высказывания. Очевидно, следует пояснить содержание термина *апеллятив,* употребляемого автором не в общепринятом лингвистическом смысле (имя нарицательное), а как соотносительном со словами *апеллировать*, *апелляция*. В этом смысле под апеллятивами понимаются «единицы особой природы, характеризующиеся включением в состав значения коннотаций», которые обусловлены «скрытой апелляцией к системе принятых общественных моральных ценностей и установок». Конкретному описанию подвергается период так называемой горбачевской осени, которая характеризуется П. Червинским как время «заката стоящего у власти лидера *псевдодемократического* тоталитаризма». Образно выражаясь, автор сравнивает язык политики с некой драмой-действием, которая разыгрывается участниками этого действа в словах, и «по этим словам можно судить об облике, типе, характере и,

© Гридина Т. А., Коновалова Н. И., 2011

главное, фазе власти — в начале она, в пути, на подъеме … на коне, и как давно едет, или падает, начала только падать, или уже свалилась» (с. 28). Иллюстрация сказанного представлена целым рядом так называемых номинативов рассматриваемого периода, демонстрирующих «экспликативно-оценочную нетерпимость и агрессивность агентов власти»: *взять на вооружение, левые радикалы, необольшевистская тактика, разрушение государственных структур, укрепление правопорядка, угроза диктатуры, государственный переворот, поднять истошный крик, деструктивная волна, поправить падающий политический рейтинг* и т. п.

Важным постулатом для исследования языка эпохи в заданном аспекте является указание на то, что свойство языка быть инструментом власти проявляет себя «с самого начала», уже в самом номинативном акте, в процессе актуализации выбора.

Несомненный интерес представляет классификация приемов социальной оценки на лексическом уровне, выделяемых с учетом исходной позиции субъекта номинации:

а) группа приемов силового типа (лексика, заимствованная публицистикой из военной, спортивной, административной сфер, а также из экспрессивов-архаизмов и интенсивов разговорной лексики) — *атака на (кого), давить на болевую точку у (кого), бить лежачего, главное — выигрыш, рвать когти, наезд, происки, вбить клин между (кем), находиться на грани издыхания;*

б) группа приемов статусного типа (формируется на базе обновляемых историзмов и адаптируемых экзотизмов, меняющих свою семантику и стилистическую окраску): *империя (кого), медиа-империя, олигархи, могущественный магнат, мэр, сановник, монаршая семья (о семье президента), наследники престола, власть предержащие.* Отмечается активность оценочного переосмысления одних групп лексики и меньшая активность в этом процессе других групп. Так, к менее активным, но безусловно ярким в оценочном плане группам относятся единицы разговорной лексики (*приготовить на закуску, примитивное прислужничество перед (кем), с барского плеча*) и группа лозунгов и фраз предыдущего, тоталитарного периода (*кадры решают все, назначенец*). Из жаргонизмов и арготизмов: *«заказ», «заказать» (заказное убийство), «компра» (компрометирующий материал)* и пр.;

в) группа дистанцированного типа (формируется на базе переосмысляемых нейтральных слов и публицистических клише, которые приобретают ироническую, пренебрежительно-снисходительную оценку в повествовательно-событийных контекстах): *понадеявшись, видимо, на их сообразительность, трудно представить, что не ведал, что творил, доморощенный шоу-бизнес*;

г) группа приобщенного типа (характеризуется «отмеченной включенностью» авторской позиции, которая может выражаться различными лексическими средствами): *народ не любит олигархов, примет на „ура“, народ безмолвствует, свет в конце тоннеля*;

д) группа переходного (трансформативного) типа: *стартовой площадкой стал, так и не увидел свет.*

Вторая часть книги посвящена описанию категоризации языка советской действительности как идеологизированной, советизированной формы русского литературного языка, другими словами, «тоталитарного языка советской эпохи» (по определению Н. А. Купиной).

П. Червинский дает развернутую предметно-тематическую (идеографическую) сетку номинативных единиц языка советской эпохи. На первом уровне выделяются три класса номинативов: субъектные, объектные, предикатные. Внутри каждого класса выделяются соответствующие идеограммы: например, в группе объектных номинаций представлены локативы (*БАМ, города-побратимы, березка* — магазин), объективы — предметы как носители соответствующих признаков (*автоагитпоезд, бюст, вымпел, галстук, голос* — радиостанция, *дефицит* — товар), структуративы (*агропромкомплекс, госснаб, военторг*), серии (*дневник … соревнования, библиотечка … профактивиста*).

Весьма диагностичен взгляд польского исследователя на человека советской эпохи сквозь призму тоталитарного языка. Автор выделяет значимые, на его взгляд, категории (всего семь), в основе своей лексико-грамматические (например, категория «финитного достижения», «лимитивной роли», «категория композита», «категория позитивного/негативного полюса» и др.). Категориальные признаки в составе значений на следующих этапах анализа используются для распределения единиц по семантико-грамматическим группам и классам. Так, семантика негативно-оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности представлена несколькими группами: «слова с очевидной и явной советскостью» (*аллилуйщик, антисоветчик*), слова разговорные со «вставляемой» советскостью (*фарцовщик, прогульщик, халтурщик*), слова «с неявной, смазанной советскостью», нередко намеренно затемненной (*керосинщик, сыщик, добытчик, наплевист, подпевала*) и др.

В третьей части рассматривается круг проблем, связанных с развитием и трансформацией, переходом политических языков и систем к каким-то новым состояниям. К таким переломным периодам П. Червинский относит 20-е гг. XX века и конец XX—начало XXI вв. В качестве основной тенденции изменения русского языка рубежа веков отмечается десоветизация в противовес существующему мнению о его деидеологизации. Десоветизация, по мнению автора, «проявляет себя в первую очередь в изменении

общественно-публичного и официально-воздействующего лексикона, уходе <из употребления> значительных лексических пластов», но далеко не всегда этот процесс выражается в десоветизации категориального мышления. Данный вывод находит в работе аргументированное подтверждение.

Завершается исследование презентацией составленного автором и подготовленного к печати словаря «Негативно-оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначения лиц», содержащего около 400 лексем.

В целом можно лишь приветствовать появление подобных работ, выполненных в русле направления «политическая лингвистика» и открывающих новый ракурс видения языка политической коммуникации в контексте определенной эпохи.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев и доцент М. Б. Ворошилова